

Газета «Вести» продолжает серию публикаций, посвященных 165-летию героической обороны Петропавловского порта в 1854 году, по материалам сборника «Защитники Отечества» Дальневосточного книжного издательства (1989).

Составитель сборника Б. П. Полевой.

Сегодня вниманию читателей мы представляем письмо дворянина, мичмана Николая Алексеевича Фесуна его превосходительству начальнику Морского корпуса Богдану Александровичу Глазенапу.

Вячеслав Скалацкий

ПИСЬМО НАЧАЛЬНИКУ МОРСКОГО КОРПУСА Б. А. ГЛАЗЕНАПУ (Н. А. ФЕСУН)

Николай Алексеевич Фесун во время обороны Петропавловска был девятнадцатилетним мичманом на фрегате «Аврора». Свое письмо он написал под свежими впечатлениями одержанной победы. Письмо Фесуна повез с собой Д. П. Максотов.

Глазенап был в восторге от письма своего питомца, и оно в извлечениях было немедленно напечатано в декабрьской книжке «Морского сборника» за 1854 г., (неоф. ч., с. 464–478), а также в нескольких газетах.

Бывалый моряк Владимир Войт после получения в Петербурге рапорта В. С. Завойко решил спешно выпустить брошюру о Камчатке и петропавловской победе. В нее он также включил несколько отрывков из письма Н. А. Фесуна.

Уже 5 декабря 1854 г., т. е. всего через неделю после получения в Петербурге рапорта Завойко, цензор В. Бекетов дал свое согласие на опубликование книжки В. Войта.

Она вышла из печати в самом начале 1855 г. под названием «Камчатка и ее обитатели, с видом города Петропавловска, планом и описанием сражения 20 и 24-го августа».

В 1901 г. Н. Н. Поливанов передал Петру Бартеневу копию письма Н. А. Фесуна, и оно было с незначительными сокращениями опубликовано в журнале «Русский архив» (1901 г., кн. 1, № 2, с. 326–337) как «частное письмо» неизвестного автора.

Оригинал письма Н. А. Фесуна долгое время хранился в семейном архиве Глазенапов. В 1928 г. выдающийся советский астроном профессор Ленинградского университета С. П. Глазенап передал весь семейный архив в распоряжение Академии наук СССР.

В 30-х гг. он был включен в состав личных фондов Ленинградского отделения Института АН СССР (фонд 39). В этом архиве еще до Великой Отечественной войны была снята копия с письма Николая Фесуна для академика Е. В. Тарле.

Весьма высоко оценив содержание этого письма, Е. В. Тарле почти полный его текст включил в свою монографию «Крымская война» (М.-Л., 1944, т. II, с. 110–118).

В настоящем издании полный текст этого замечательного письма дается по архивному оригиналу (Архив ЛОИИ СССР, ф. 39, № 4, л. 58–62).

Петропавловск, августа 30-го 1854 года.

«Ваше превосходительство, милостивый государь Богдан Александрович!

Я долго, давно, с выхода из Англии, не писал Вам, но этому было тысячу причин, большею частью Вам известных: с часу на час ожидаемое объявление войны преследовало нас везде, делая пребывание в портах самым кратковременным. Бытность же в Петропавловске употреблено на приведение его в оборонительное положение тем более, что от американского посланника на Сандвичевых островах генерал-майором Завойко, губернатором Камчатки, в конце июля было получено официальное известие о войне с Францией и Англией. Порты Тихого океана объявлены в блокаде, а следовательно, должно быть во всегдашней готовности встретить врага. Как Вам известно, Петропавловск имел укрепления весьма слабые. Приход транспорта «Двина» и орудия, снятые с правого борта фрегата, дали возможность усилить их, и в настоящее время положение их следующее: батарея № 1 на Сигнальном мысу: две двухпудовые бомбические и три 36-фунтовые длинные пушки, привезенные на «Двине»; командиром лейтенант Гаврилов. Батарея № 2: одиннадцать длинных 36-фунтовых орудий, тоже двинской доставки, командиром лейтенант князь Дмитрий Максудов. № 4 (на возвышенности, называемой Красный Яр): три длинные 24-фунтовые пушки, снятые с «Авроры», командиром ее нашего же фрегата мичман Попов. Батарея № 3 на перешейке: пять длинных 24-фунтовых орудия с фрегата, командиром князь Александр Петрович Максудов. Батарея № 5, назначенная для действия противу десанта: четыре 18-фунтовых орудия, командиром поручик Гезехус. Батарея № 6: пять коротких пушек с верхней батареи нашего фрегата 24-фунтовые, командир капитан-лейтенант Коралов. Фрегат наш стоял поперек входа в малую бухту, имея позади себя транспорт «Двина» под командой капитана 2 ранга Васильева, и на котором пять орудий левого борта были готовы к действию. На фрегате оставались, кроме капитана, и старший офицер Федоровский. Командиром нижней батареи в помощь к нему был назначен я; лейтенант Пилкин командиром верхней батареи; артиллерийский офицер поручик Дьяков при ведении журнала. Кроме этого, были образованы на берегу две стрелковые партии и одна пожарная и на фрегате всегдашней готовности к действию четыре партии из 30 человек каждая, и имеющая следующих командиров: 1-я мичмана Фесуна, 2-я лейтенанта Анкудинова, 3-я лейтенанта Пилкина, а 4-я лейтенанта Скандракова. Гардемарины наши были расписаны по батареям, а Литке и Колокольцев состояли при губернаторе. Копия строевого рапорта, приложенная ниже, покажет число самое незначительное, потому что, считая милицию, всех было с небольшим 800 человек! Приготовившись таким образом, мы ждали, ждали недолго. 17 августа в 11-м часу с дальнего маяка сделан сигнал: «В море видно эскадру военных судов!» Потом сигналом же показано, что их шесть. Тотчас же в городе ударили тревогу. Мы собрались на фрегат, а губернатор со штабом отправился на Сигнальный мыс, как на передовой пост, с которого видны лучше все движения. Команда фрегата стояла по орудиям. Священник, отслужив молебен, окропил все судно святой водой, и капитан, обойдя по батареям, напомнил матросам священные слова его высочества генерал-адмирала. Единодушное «Рады стараться, рады умереть, защищая наш флаг» было ответом на благородный призыв, и, укрепившись таким образом душевно, мы с совершенным спокойствием ожидали, что будет впереди. В 1/2 5 часа увидели идущий во вход губы трехмачтовый пароход. Рассматривали 20 труб, обращенных на него, и что же... американский флаг! Идя малым ходом и вне выстрелов батарей, на пароходе бросали лот, но лишь только от порта отделилась шлюпка, правя на пересечение его курса, как он поворотил назад, полным ходом пошел назад и на высоте Поворотного мыса

соединился с поджидавшей его эскадрой! Действия эти ясно показывали, что эскадра неприятельская, и потому команда не сходила с батареи и спала при орудиях, мы же, мы могли только удивляться тому, что господа англичане, идя бомбардировать такой маленький порт, как Петропавловск, решились на подлог флага!..

18-го августа с утра неприятельская эскадра маневрировала для входа в губу, а в начале пятого часа пополудни вошла в нее в числе трех фрегатов, корвета, брига и одного большого парохода. Рассмотревши повнимательнее (несмотря на закрашенные белые полосы), мы узнали наших старых знакомых: соединенную французско-английскую эскадру, стоявшую вместе с нами на рейде Калао. Именно: французский 60-пушечный фрегат «La Forte» под флагом контр-адмирала Fevbrier-Despointes, французский 32-пушечный корвет с закрытою батареей «Euridise» и 20-пушечный бриг «Obligado», английский 52-пушечный фрегат «Президент» под флагом контр-адмирала Прайса, английский же пароход «Virago» и 44-пушечный фрегат «Peak», посланный в погоню за «Авророй» из Плимута. Войдя в губу, эскадра приблизилась на пушечный выстрел, и потому с батареи на перешейке князь Максутов открыл огонь. Сигнальная батарея, батарея № 2 и батарея Красного Яра сделали то же. Неприятель продолжал идти вперед, отвечая несколькими выстрелами. Бомбы парохода перелетали через Сигнальный мыс, разрывались недалеко от фрегата. Сражение продолжалось несколько минут, и неприятель, прекратив огонь, вышел из-под выстрелов, бросив якорь ближе к Тарьинской губе. Пароход не обошелся без повреждений. Бомба с Сигнального мыса попала ему в корму, а ядро с Красного Яра – в верхнюю часть корпуса. Став на якорь, эскадра спустила гребные суда и в этот день более, никакого движения не предпринимала. На батареях и на фрегате, удвоив часовых, ударили отбой и команде дано время ужинать.

19-го в 6 часов утра от неприятельских судов отделились три шлюпки и пошли по направлению к Раковому мысу. Следом, на батарее № 1, на фрегате и на остальных батареях ударили тревогу, но так как гребные суда делали промеры, не подходя на пушечный выстрел, то огня не открывали. Вскоре снялся с якоря пароход и взял курс к выходу из губы, вероятно, с тем, чтобы осмотреть, не видать ли в море наших судов. В 7 часов ближайший неприятельский фрегат стал стрелять бомбами, которые все разрывались, не долетая до берега. В 1/2 9-го шлюпки пошли назад, а в 9 пароход, возвратясь, стал на якорь на прежнем месте. В 2 часа увидели идущий из Тарьинской губы портовый бот, который принял неприятельскую эскадру за отряд адмирала Путятинна, нисколько не беспокоясь, шел мимо ее; на боте, везущем на борту кирпич, было 7 человек безоружных: матросы, отправленные для работы при унтер-офицере Усове. Неприятель только что заметил его, как тотчас послал 7 больших катеров для овладения им и еще 3 для конвоирования! Хотя было жаль людей, попавших в плен, но не хватало сил удержаться от смеха перед картиной, представшейся глазам нашим. 7 катеров, держась в кильватере друг друга, вели на буксире бот. По бокам держалось по катеру, и, наконец, все шествие замыкалось вооруженным баркасом. На корме каждой

шлюпки развевались флаги. Все команды фрегатов высыпали на сетки так, что один из наших сослуживцев вполне справедливо заметил, сказав, что вся эта процессия походит на то, как мыши кота хоронили.

Всю ночь неприятель приготавливался к какому-то движению, жег множество огней, фалшфейеры, пускал ракеты; шлюпки ходили от судна к судну, делали промер, так что у нас тоже было не совсем спокойно, и несколько раз становились по орудиям. Наконец наступил день 20 августа, день нашего первого сражения, а следовательно, достопамятный в жизни каждого из нас. В 6 часов заметили на эскадре приготовление к съёмке с якоря; в 8 пароход взял с каждой из сторон по адмиральскому фрегату, а третий сзади побуксировал их по направлению к Сигнальной батарее. Маневр этот увеличил веселость наших матросов, которые, смеясь и выражаясь по-своему, говорили, что англичанин [пароход] на французский манер кадрили выплясывает. И в самом деле, масса 4-х судов, сплоченных вместе, была презанимательная. В 9 часов, приблизясь к Сигнальной батарее на пушечный выстрел, пароход отдал буксир, и фрегаты стали на ширине, в кильватере один другого; в 5 минут 10-го началось сражение выстрелом с батареи № 4. Все неприятельские суда отвечали ядрами и бомбами, производя огонь весьма быстро. Батареи № 1, 2, 3 и 4 действовали не торопясь и рассчитанно меткими выстрелами. Батарея № 1, находившаяся на Сигнальном мысу и ближайшая к неприятелю, выдерживала самое жестокое нападение; на ней находился губернатор, и каждый из ее выстрелов шел в дело: ни одного ядра не пролетало мимо. Батарея Красного Яра, имеющая всего 3 орудия, в продолжение 1 1/2 часов выдерживала непрерывный огонь фрегата и отвечала на него так, что все мы были в восхищении. Самые жаркие, самые усиленные действия были ведены против этих двух батарей, так что, не ошибаясь, можно сказать, что целые полтора часа 8 орудий выдерживали огонь 80, представляемых левыми бортами 3-х фрегатов. Батарея на Кошке хотя и доставалось в это время, но по положению своему она была на расстоянии дальнего пушечного выстрела. Как и должно было предвидеть, все это не могло долго длиться, несмотря на геройские усилия команд, несмотря на примеры бесстрашия, являемые командирами (так, лейтенант Гаврилов, раненный в голову и в ногу, не оставлял своего места и продолжал ободрять людей), несмотря на все это, должно было оставить орудия. Платформы были засыпаны землей выше колес; станки, тали и брюки перебиты. Ворочать и действовать в таком положении не было возможности, тем более, что неприятель уже свозил десант по направлению к Красному Яру: командир батареи на этом месте при 30 человеках прислуги и при поврежденных орудиях, не находя возможным защищать вверенный ему пост против 600 человек неприятельского десанта, следуя приказанию, отданному на этот случай, заклепал орудия и отступил к 1-й стрелковой партии мичмана Михайлова, с которой и примкнул к батарее № 2. Между тем занимательная сцена готовилась впереди. Французы, вскочив первыми на Красный Яр, битком наполнили батарею и при восторженных криках подняли французский флаг; только что он развился, как бомба с английского парохода, ударясь в самую середину массы, произвела в ней страшное замешательство. Прежде чем бедные французы успели опомниться от счастливой для нас ошибки своих милых союзников, транспорт [«Двина»] и фрегат [«Аврора»] открыли по ним меткий батальный огонь. Все это,

соединенное с движением подоспевших с фрегата партий, мичмана Фесуна и от порта 2-й стрелковой партии поручика Губарева, которые, соединившись с партиями мичманов Михайлова и Попова, при криках «ура» стремительно бросились вперед, – все это сделало то, что, несмотря на свою многочисленность, несмотря на то, что они были, по крайней мере, вчетверо сильнее всех наших соединенных партий, неприятель начал отступление бегом, он уже был в шлюпках и вне выстрела, так что, несмотря на самое пламенное желание, в этот раз не удалось его попотчевать ружейными выстрелами. Крики «ура» всего гарнизона были наградой за наше стремительное наступление, общий привет и благодарность губернатора встретили нас при входе в город, а между тем и неприятель не зевал, а, подавшись вперед, открыл такой огонь, что в продолжение получаса делал более нежели 250 выстрелов. Командир этой батареи лейтенант князь Дмитрий Петрович Максутов был изумительно хладнокровен. Так как неприятель, имея на каждой из сторон своих фрегатов по две 2-пудовые бомбические пушки, стрелял большею частью из них, то его ядра все долетали до батареи и, ударяясь в фашичник, не причиняли слишком большого вреда; у нас же на батарее пушки были 36-фунтовые, а следовательно, стрелять из них можно было только тогда, когда неприятель, увлекаясь, подтягивался, чтобы действовать всеми орудиями батальным огнем. Князь пользовался этим как нельзя лучше, не горячился, не тратил даром пороха, а стрелял только тогда, когда по расстоянию мог судить, что его ядра не потеряны. Прекрасную картину представляла батарея № 2. Долго останется она в памяти у всех бывших в сражении 20 августа. 3 огромных фрегата, построившись в линию с левым бортом, обращенные к Кошке, но таким образом, что из-за Сигнального мыса ядра нашего фрегата не могли вредить им, эти три фрегата производят неумолкаемый огонь. Ядра бороздят бруствер во всех направлениях, бомбы разрываются над батареей, но защитники его холодны и молчаливы; куря спокойно трубки, весело балагуря, они не обращают внимания на сотни смертей, носящихся над их головами, они выжидают своего времени. Но вот раздается звонкий голос командира: «Вторая! Третья!» Взвился дымок, и можно быть уверенным, что ядра не пролетели мимо. Не обходилось и без потерь; от времени до времени появлялись окровавленные носилки, все творили знамение креста, несли храброго воина, верно исполнившего свой долг. В 1/2 12-го пароход, желая попытать счастья, высунулся из-за мыса, но, встреченный батальным огнем фрегата и Кошечной батареи, ту же минуту задним ходом пошел назад; в 12, взяв несколько десантных шлюпок, он побуксировал их к озеру, корвет сделал движение по тому же направлению. На перешейке не зевали, и лейтенант Анкудинов с прапорщиком Можайским (за отсутствием князя Александра Максутова, отделившегося в стрелки), находившиеся на батарее, начали действовать так удачно, что ядро попало в пароход, а другое потопило шлюпку невдалеке от корвета. Пароход и корвет удовольствовались этим и отошли из-под выстрелов. Между тем неприятельские фрегаты делали свое дело, и огонь по батарее № 2 не умолкал, но становился жарче и жарче. В 1/2 4-го капитан, думая, что командир ее имеет недостаток в порохе, приказал мне на катере перевезти к нему назначенное число картузов; приказание было исполнено, порох принят на батарее, хотя оказалось, что она еще не совсем обеднела, имеет по 40 зарядов на орудие. Пальба прекратилась около 6 часов, так что смело можно сказать, Кошечная батарея в продолжение 9 часов выдерживала огонь с лишком 80 орудий! Редкий пример в истории войн прошедших, редкий тем более, что, несмотря на весь этот ураган ядер, батарея устояла и, исправившись в ночь, в следующее утро снова готова была вступить в бой. Командир

батареи князь Дмитрий Максудов до того приучил своих людей к хладнокровию, что, когда неприятель действовал только бомбами и нашим из 36-фунтовых нельзя было отвечать, кантонисты-мальчики, от 12 до 14 лет, служившие картузниками, чтобы убить время, пускали кораблики! И это делалось под бомбами, осколками которых было засыпано все побережье. Одному из этих мальчиков-воинов оторвало руку; когда его принесли на перевязочное место и начали отрезать обрывки мяса, он немного сморщился, но на вопрос доктора: «Что, очень больно?» – ответил сквозь слезы; «Нет, это за царя». Ему, благодаря бога, теперь лучше, и, говорят, он будет жив. К вечеру пароход попытался еще раз выйти из-за мыса, но возбудил только смех фрегатских командиров, которые, ободряемые примером своих батарейных командиров, ожидали его появление с какой-то особенною радостью, говоря: «Иди, иди, дружок, авось удовлетворишься так, что больше не захочешь». И действительно, только что показался нос жданного гостя, раздался батальный огонь фрегата, засвистели ядра, и в ту же минуту все кончилось, и пароход полным ходом уходил назад! В 1/4 7-го сражение было прекращено, неприятель отошел вне выстрела, у нас ударили отбой, люди получили время отдыха, а мы – мы стали готовиться к завтраму, рассчитывая, что, бомбардируя целый день Кошку, неприятель, наконец, доберется до нас и что завтра ему всего удобнее сделать это при повреждениях батарей Сигнальной и Красного Яра. В 7 часов губернатор, приехав на фрегат, объявил нам, что, по его мнению, теперь должно ожидать решительного нападения на «Аврору», что он надеется на то, что мы стоим за себя, на что получил единодушный ответ: «Умрем, а не сдадимся!» Поблагодаря капитана и офицеров, в 1/2 8-го он съехал на берег. День 21 августа показал нам, что мы ошиблись в расчетах: решительных нападений не последовало, хотя не обошлось без тревоги и выстрелов. В 10 часов утра от французского адмиральского фрегата отделилась шлюпка, вероятно для рекогносцировки. Она шла к Раковому мысу; пристав к берегу, из нее вышел офицер, который через 5 минут возвратился в шлюпку, погреб назад. Смелая поездка эта едва не обошлась ему дорого. 3 ядра, пущенные с фрегата, легли за кормою шлюпки, а последний так близко, что брызгами обхватил гребцов. Вечером пароход ходил в Тарьинскую губу, а скрывшись в тумане, производил там много пушечных выстрелов. Как после узнали, он хоронил начальника английского отряда контр-адмирала Прайса, о смерти которого пленные говорили самым разнообразным образом: иные, что он застрелился от отчаяния, другие, что нечаянно, вкладывая пистолет за портупею, так что положительно не известно ничего, а нам остается только радоваться – в важные минуты неприятель лишился одного из своих главных начальников.

Ночь с 21-го на 22-е была употреблена на приведение укреплений Сигнального мыса в надежное оборонительное положение, и благодаря неутомимости и искусству нашего артиллерийского офицера прапорщика Можайского к утру батарея № 1 имела 4 орудия, совершенно готовые в дело. За ранами лейтенанта Гаврилова батарею принял в командование мичман Попов, а на Красный Яр, где благодаря тому же прапорщику Можайскому все было исправлено и 2 орудия снова поставлены на станки, назначен заведующим старый артиллерийский кондуктор Дементьев с ясной и подробной инструкцией насчет ожидаемых сражений. День 22-го и 23-го неприятель, видимо,

исправлял повреждения. Пароход был накренен на правую сторону и чинил кужух, что давало повод надеяться, что, несмотря на кратковременность его появления из-за Сигнального мыса, фрегатские ядра не пролетали мимо. 23-го в полдень много шлюпок отрядилось к адмиральскому фрегату, кричали «Vivat», делалось много движений по эскадре, и все заставляло предполагать, что на завтра неприятель предпримет что-нибудь решительное. С своей стороны мы были совершенно готовы и, решив раз навсегда умирать, а не отступить ни шагу, ждали сражения как средства покончить дело разом. Вечер 23-го числа был прекрасен – такой, как редко бывает на Камчатке. Офицеры провели его в разговорах об Отечестве, в воспоминаниях о далеком Петербурге, о родных, о близких. Стрелковые партии чистили ружья и учились драться на штыках; все же вообще были спокойны, так спокойны, что, видя эти веселые физиономии, этих видных, полных здоровья и силы людей, трудно было верить, что многие из них готовятся завтра на смерть, трудно было верить, что многие, многие проводят свой последний вечер.

Рассветало. Сквозь туман серого камчатского утра можно было видеть, что пароход начал движение; в 5 часов у нас ударили тревогу, в 1/2 7-го туман прочистился, и пароход, взяв 2 адмиральских фрегата на буксир, провел их по направлению к перешеечной батарее, состоящей под командою лейтенанта князя Александра Петровича Максудова и на которой, как я уже говорил, было всего пять орудий. Подойдя на пушечный выстрел, французский 50-пушечный фрегат отдал буксир и, став на шпринг, в расстоянии не больше 4 1/2 кабельтовых, открыл жестокий батальный огонь, такой огонь, что весь перешеек совершенно изрыт, изрыт до того, что не было аршина земли, куда не попало бы ядро. Князь отвечал сначала с успехом, второе ядро его перебило гадиль, третье – фок-рею, следующие – стеньгу, фоковые ванты и еще много других повреждений, не говоря о корпусе судна, куда каждое попавшее ядро делало страшный вред. Но батарея была земляная, открытая, имела всего пять орудий и вот уже более получаса выдерживала огонь 30 пушек калибра, ее превосходящего. Станки перебиты, платформы засыпаны землей, обломками; одно орудие с оторванным дулом, три других не могут действовать; более половины прислуги ранены и убиты; остается одно – одна пушка, слабый остаток всей батареи; ее наводит сам князь, стреляет, и большой катер с неприятельским десантом идет ко дну; крики отчаяния несутся с судов. Французский фрегат, мстя за своих, палит целым бортом; ураган ядер и бомб носится над батареей, она вся в дыму и обломках, но ее геройский защитник не теряет присутствия духа. Сам заряжает орудие, сам наводит его, но здесь, здесь судьба положила конец его подвигам, и при повторных криках «Vivat» с неприятельских судов он падает с оторванной рукой. Секунда общего онемения. Но вот унесли князя, и капитан с фрегата посылает меня заменить его. Подхожу к оставшемуся орудью, прислуга его идет за мной, но и неприятель не зевал, он делает залп за залпом, в несколько секунд оно подбито, некоторые ранены обломками, и все мы в полном смысле слова осыпаны землей. Между тем английский фрегат, под флагом адмирала, встал против батареи капитан-лейтенанта Коралова и, пользуясь всем преимуществом своей артиллерии, начал громить ее неумолкаемым огнем.

Пароход помогал фрегату, и шлюпки с десантом со всей эскадры спешили к нему. Но вот и эта батарея приведена в неспособность действовать, и 22 неприятельские шлюпки, полные народом, устремились к берегу. Пароход, подойдя на картечный выстрел, очищает его, стреляя картечью через голову своих. 2-я стрелковая партия занимает гору; 1-я – мичмана Михайлова – сосредоточивается у порохового погреба при Озерной батарее, и на помощь к ней спешит 2-я стрелковая партия с фрегата под командой лейтенанта Анкудинова, в ней всего 31 человек».

(Продолжение следует)